

Сергей Лебеденко
Шарик

leb.sergey15@gmail.com

Шарик! Можно ли придумать собаке более дурацкое имя?

Нет, правда, вы только подумайте. Назвать Шариком какого-нибудь ротвейлера размером с окошко, где продают сочную мясистую шаурму. Шарик! Этот маленький красный клубок, который противно воняет резиной? Который проколешь когтем — и он взмывает ввысь, мерзко поскуливая, словно покусанная блохами болонка. И что общего у этой странной игрушки двуногих щенят с изяществом гончей или мощностью бульмастифа?

Но Шарик — вершина фантазии двуногих. На большее у них нет ни времени, ни воображения. Поэтому Шариком звали меня, моего коллегу по охране парковки и немецкую овчарку, лидера нашего вагабунда.

У Шарика — то есть, у Шарика-овчарки — была своя теория насчет двуногих. Бывший хозяин Шарика оставил его за гаражами после того, как в семью принесли маленький очень светлый сверток с ножками, который все время пищал. Шарик подошел к свертку, чтобы понять, что это. Изнутри на него уставились два маленьких глаза-бусинки. Пахло чем-то сладким, вроде парного молока с сахаром. Шарик опустил морду, чтобы лизнуть щенка, но в этот момент появился хозяин и начал топтать и лаять. А какое-то время спустя Шарик оказался у ржавого гаража-ракушки. Падал первый снег.

Увидите похожий сверток в руках людей или почувете запах парного молока, — не вздумайте приближаться, наставлял Шарик. Если сверток лежит в специальной маленькой конуре на колесах — тем более не вздумайте подходить и ластиться.

В теории Шарика находилось место и важным господам в пальто, от которых вкусно пахло кожей, шерстью и свежим кофе; и дворникам в оранжевых комбинезонах, которые появлялись во дворе рано утром и могли подкинуть паре бродячих псов кусок сала или сосиску. Особенно Шарик жаловал девушек в длинных пальто с маленькими сумками. Все они пахли одинаково: слышной смесью ягод и каких-то цветов. Учуяв такую девушку, Шарик садился на краю тротуара и начинал скулить, ожидая, когда она оторвется от своего круглого куска пластика и увидит его большие коричневые глаза. Была в классификации Шарика и особая порода людей. Их следовало облаивать, гнать с территории — а при крайней необходимости и нападать. Как раз к этому типу относился Петя. Шарик ненавидел Петю: он был уверен в том, что рано или поздно этот щуплый студентик со светло-серым потертым рюкзаком в пропахшей потом парке угробит кого-нибудь из вагабунда. Петя мог швырнуть камень в дворняжку, стоило ей высунуться из-под горки на детской площадке и показаться ему на глаза. По ночам, когда он возвращался в свою конуру и бормотал что-то себе под нос, он мог наорать на заспавшуюся Бяшу — пуделя с порванным ухом. Бяша скулила и всю ночь не могла

заснуть. По утрам Петя проходил мимо парковки и злобно поглядывал на нас с коллегой-Шариком. Короче говоря, этот Петя был довольно мерзким типом.

Однажды вечером Петя возвращался из универа. От него несло тем, чем молодая собака запросто отравится, а двуногий попросит еще и вдвое больше. Петя не мог разобрать дороги и достал из кармана светящуюся пластиковую штуку. В этот момент к нему подошли трое, перекрыли ему путь, начали что-то говорить. Я наострил уши: компания эта была дворнягами, но с навыками и повадками бойцовых бульдогов. После короткой перебранки один из них цапнул Петю за руку, другой схватил другую руку и попытался повалить на землю. Видя, как стая чужаков бьет слабого на нашей территории, я бросил парковку и с лаем и рыком бросился на нападавших. И не успел я рвануть одного за колено — скользкий приемчик в собачьих боях — как одна из дворняг что-то пролаляла и, швырнув в сторону кусок железа, припустила через весь двор наискосок, испуганно оглядываясь. Его товарищи что-то проворчали и, сплюнув, последовали за ним.

Петя лежал, облепленный грязью, словно забитый старшими братьями щенок. Я приблизился к нему, обнюхал — пахло потом, спиртом, немножко страхом — и лизнул его нос. Он открыл глаза — светло-серые — и посмотрел на меня. Немного отрешенно провел рукой по макушке, задержал пальцы под левым ухом. Что-то шептал. Я смотрел в его глаза и понимал. Камень в дворнягу он кидал, чтобы она не заметила трясущегося в кустах котенка. На Бяшу орал, чтобы она ушла с дороги и не попала под машину, которая заезжала с улицы, а на нас с Шариком глядел хмуро потому, что ранним утром люди всегда смотрят хмуро и выглядят жалко, как попавший под дождь спаниель. Потом Петя молча встал, встряхнулся и, застегнув парку, пошел к себе. Он ни разу не оглянулся.

На обратном пути ко мне пристал Шарик. Он стал визжать, мол, зачем я помог этому паршивцу, который завтра снова начнет швырять в нас камни. Я хотел ему объяснить, что он заблуждается, но Шарик все распаялся и распаялся: хвост его быстро разрезал воздух слева-направо, а мне в морду летели ниточки слюны. Наконец мы сцепились: лай, когти свистят, в темное небо летят клубы пыли.

Нас разняли двуногие. Шарика скрутили, надели ему намордник и укололи в шею какой-то иглой в пластиковом цилиндре, а меня вернули на парковку и посадили на цепь.

Выл ли я? Конечно, выл. Теперь я не мог уйти с маленькой парковки: цепь крепко держала меня, а хозяева кормили лишь раз в день какой-то густой невкусной жижей. Целый день меня окружали железные машины двуногих, их грязный дым, подтавший бурый снег и лужи, в которых отражалось серое пушистое небо.

Пару раз я видел Петю. Он смотрел на меня, но, заметив мой тоскливый взгляд, отворачивался. Мне правда очень хотелось есть.

Три дня спустя в углу парковки я нашел котлету. Я так быстро слопал ее, что даже не успел задуматься, откуда, собственно, на том месте, где обычно стоит темно-серый

грузовичок, появилась котлета. На следующий день котлета появилась уже утром, но я в это время дремал и снова не знал, кто мой тайный друг. А еще через пару дней я увидел, как Петя, проследив, что за ним никто не подсматривает, кладет котлету на то самое место. Все это время это был он! Я в нем не сомневался, но не знал, как отблагодарить: когда он возвращался, я уже спал, утомившись однообразием парковки. Так продолжалось некоторое время. Петя приносил котлету, иногда бутылочку воды с отрезанным горлышком. Однажды на парковку пришли двое двуногих. Глядя, как я грызу сочную корочку, она засмеялась и что-то сказала. По звуку я понял, что она упомянула Петю. Мужчина согласился с ней. Подняв голову, я поразился, насколько он был похож на моего молодого человеческого приятеля: тот же высокий лоб, больше красивые глаза. В тот день у меня появилась новая семья. Я все еще виделся с вагабундом: играл с младшими, угощал старших. А Шарик исчез. Больше его никто не видел.

Сергей Лебеденко